

Сообщение о мирном договоре со Швецией в царских грамотах Петра I (1721) и Елизаветы I (1743) и традиции дипломатической переписки с венецианским адресатом

Наталья Карданова

В настоящем докладе рассматриваются две царские грамоты, адресованные венецианскому дожу и Сенату, в которых сообщалось о мирном договоре, заключенном Россией со Швецией по окончании войны с последней. В грамоте Петра I от 14 сентября 1721 г. говорится о Ништадтском мире, которым завершилась Северная война. В грамоте дочери Петра I, императрицы Елизаветы I, от 10 сентября 1743 г. речь идет об Абоском мире по окончании русско-шведской войны 1741-43 гг. Обе грамоты хранятся в Венецианском государственном архиве (ASV, Lettere principi, filza 13, № 76 и № 98) и публикуются в приложении. Исходя из предположения, что данные тексты отразили трансформацию, произошедшую в русской культуре при Петре I, мы анализируем их речевое оформление (сообщение о заключении мирного договора и формулы эпистолярного этикета) в контексте дипломатических отношений России и Венеции.

Составление царской грамоты иностранному адресату по заданному содержанию и ее оформление доверялось сотрудникам Посольского приказа¹ (Котошихин 2000: 45-46), что в правление Петра I была регламентировано законодательно с поправкой на новую терминологию (ПСЗРИ 1830, VI: 130). Вице-канцлер М.П.Шафиров (1669-1739) перевел с немецкого письмовник (*Приклады* 1712): послания коронованных особ Европы были выбраны Петром в качестве новой эпистолярной нормы.

Личность Петра I, сделавшего переписку важнейшим инструментом государственного управления (Богословский 2001: 538), наложила отпечаток и на дипломатические тексты – в частности, Петр первым лично подписывает грамоты в Венецию, характеризуя себя как “Вашей Светлости и Светлейшей Речи посполитой добрый приятель Петр” (начиная с грамоты от 8 июля 1709 г. о Полтавской битве). Если в посланиях к сотрудникам государь был волен выбирать форму послания (Богословский 2001), то в случае дипломатических депеш он действует в рамках жанра царской грамоты иностранному адресату – жанра, в котором

¹ При Петре с 1720 г. – Коллегия иностранных дел.

эпистолярный этикет² взаимодействовал с дипломатическим. Особенность последнего в том, что до Петра Россия находилась вне системы феодальных отношений Европы и “могла игнорировать установившиеся на западе путем традиций иерархические отношения между монархами и державами” (Александренко 1894: 6-7), чем “определялось и отношение к церемониалу европейских держав и русских дипломатов, и русского правительства. Русские дипломатические представители не желали подчиняться западно-европейскому церемониалу, если только видели в его правилах умаление чести и достоинства своего государя” (Александренко 1894: 7). С принятием Петром I императорского титула “Россия [...] стала интересоваться теми же вопросами церемониального права, какие занимали и других держав” (Александренко 1894: 8; Hennings 2016). Эволюционирует и дипломатический этикет царского послания в Венецию: при Петре I “в качестве регулятора, доминирующего принципа [...] выступает не дипломатический статус автора, а статус вежливого собеседника” (Карданова 2013: 386).

До Петра I сообщение в Венецию о заключенном мире (с Польшей – 1667, 1672, 1686 гг.³) в контексте общих антиосманских интересов предполагало изложение мирного договора в интерпретации автора грамоты: акцентировались общие для России и Венеции христианские ценности⁴. С заключением Карловицкого мирного договора с Османской империей в 1699 г. Петр I продолжает поддерживать дипломатические отношения с бывшим союзником, сообщая о наиболее значимых событиях Северной войны, а также дважды в ответ поздравляет дожа и венецианский Сенат, боровшихся с турками.

Ништадтский мирный договор, включавший ряд важнейших военных, политических и экономических условий (Похлебкин 1992: 232-234), подписан 30 августа/10 сентября 1721 г. в “г. Нюстад (в русской транскрипции XVIII-XIX вв. – Ништадт, Нейштадт) (ныне г. Уусикаупунки, Финляндия)” (Похлебкин 1992: 232), ратифицирован Швецией 9/20 сентября 1721 г. и утвержден риксдагом 16/27 июля 1723 г. в Стокгольме, Россией – 9/20 сентября 1721 г. в Санкт-Петербурге, обмен ратификационными грамотами – 19/30 сентября 1721 г. в г. Нюстаде (Похлебкин 1992: 232).

Со ссылкой на межгосударственные отношения (“по имеющей дружбе с вашею светлостью и Яснейшею Речью Посполитою”) в грамоте сообщалось о “вечном мире”, который “заключен” (лексическая сочетаемость этой лексемы в значении “заключение какой-либо договоренности” ограничена,

² Об изменениях в эпистолярном этикете см. Полонский 2011, Benacchio 1984 и 1985.

³ Грамоты от 27 апреля 1668 г., от 11 октября 1672 г., от 5 мая 1686 г. (ASV, Lettere principi, filza 13, № 4, 5, 14).

⁴ Подробности дипломатической процедуры описаны в грамоте царей Ивана и Петра Алексеевичей от 5 мая 1686 г., составленной при князе В.В. Голицыне (1643-1714) – главы внешнеполитического ведомства, направлявшего внешнюю политику в регентство царевны Софьи (1682-1689).

в отличие от использовавшегося ранее “учинить”⁵) “через полномочных с обеих стран министров”, где “полномочный министр” соответствует дипломатической терминологии адресата (итал. “ministro plenipotenziario”, ср. о польских послах “великими и полномочными послы” в грамоте от 5 мая 1686 г.) и тексту Ништадтского договора: “Ратификации о сем мирном инструменте имеют во время трех недель, считая от подписания, и прежде, ежели возможно, получены и здесь в Ништадте одна против другой разменены быть. Во утверждение всего того, сего мирного трактата два единоголосных экземпляра сочинены и с обеих стран от полномочных министров по силе имеющей полной мочи собственноручно подписаны, их печатями утверждены, и один против другого разменены” (ПСЗРИ 1830, VI: 430). Впервые указана точная дата (“прошедшаго августа в 30”) и место (заимствование “конгресс” и его название по соответствующему топониму: “на Нейштатцком конгрессе”; ранее упоминалась только Москва), правители двух стран – личное местоимение “нами” (этикетное приложение “мы, великий государь, наше царское величество” при Петре выходит из употребления) и “королем и королевством швецким”.

Необходимость рассказать о заключении Ништадтского мира как о событии, известном в Венеции, потребовала формулы подтверждения информации, известной адресату из других источников, сослаться на которые ранее в царской грамоте не было принято: прерогатива сообщения принадлежала государю. Формула была выработана в грамоте Петра от 7 декабря 1710 г. (ASV, Collegio, Lettere principi, filza 13, № 60, опубликована) о победах на Балтике: уверенность автора (“Хотя мы не сомневаемся”) в известности адресату (“ваша светлость и вся Яснейшая Речь Посполитая известны о”) информации, и формула обязательного сообщения (“не могли мы оставить, о том вашей светлости и Яснейшей Речи Посполитой, не объявля”) – последняя возникла годом ранее, в грамоте от 8 июля 1709 г. о Полтавской битве (оригинал в государственном архиве г. Венеция не обнаружен, опубликована). Сообщение информации (новая лексема “сообщить”) представлено как результат выбора автора царской грамоты (“за благо разсудили”) – клише, появившееся в той же грамоте от 7 декабря 1710 г., в царском разрешении венецианским купцам торговать в новых русских землях на Балтике (“разсудили мы за благо [...] и сие объявить”).

Автор надеялся (“уповаем”) на то, что полученное сообщение о Ништадтском мире будет воспринято как выражение дружеского расположения русского царя к Светлейшей республике (“ваша светлость сие во знак нашей склонности, которую мы имеем к вашей светлости и Яснейшей Речи Посполитой, примете”). С 1700 г. складывающийся этикет допустил использование лексемы “уповаем” (некоторая зависимость автора от адресата) сначала в царских ходатайствах о содействии (о венецианских о корабельных мастерах от 8 июля 1700 г., о греческой церкви от 7 декабря 1710 г. и офицере Змаевиче от 30 апреля 1716 г. (ASV, Collegio, Lettere prin-

⁵ О дипломатической терминологии XI-XVII вв. см. Сергеев 1971.

сірі, F. 13, № 51, 59, 68, опубликованы), в верительных грамотах (формально – ходатайствах) русским послам Урбиху от 9 января 1711 г. и Беклемишеву от 18 января 1716 г. (ASV, Collegio, Lettere principi, F. 13, № 61, 70), а также – как вежливое выражение надежды на участие адресата в добрых для России новостях о победе под Полтавой и на Балтике (от 8 июля 1709 г. и от 7 декабря 1710 г.).

До Петра описывалась положительная реакция царя Алексея Михайловича на похвалы военным успехам России (“приимаем в великую любовь” – грамота от 23 ноября 1655 г. (ASV, Lettere principi, filza 13, № 1) и царей Ивана и Петра Алексеевичей – на сведения о военных действиях Венеции в союзных с царями интересах: “ваше объявление и благожелательство любително приемлем” (грамота от 5 мая 1686 г.), “приемлем за радость” – от 26 октября 1687 г. и от 13 февраля 1688 г. (ASV, Collegio, Lettere principi, F. 13, № 23, 13 опубликованы), “приемлем то себе за радость” (от 18 марта 1695 г. (ASV, Collegio, Lettere principi, F. 13, № 36, 16). Выражение уверенности (“не сумневаемся”) в положительной реакции адресата (“приимеете себе за общую с нами христианскую радость”) появилось в грамоте Петра от 30 октября 1697 г. (ASV, Collegio, Lettere principi, F. 13, № 46), подтверждавшей выполнение Россией союзнических обязательств.

После того как Россия и Венеция перестали быть союзницами по антиосманской коалиции, в грамотах Петра I о победах 1709-10 гг. под Полтавой и на Балтике появилось ожидание от дружеской Венеции интереса к делам России (“достойное участие воспринять благоволите”). В грамоте о Ништадтском мире ожидается, что Венеция воспримет сообщение о мире как символическое выражение (“примете во знак”) дружеского расположения (“нашей склонности”) царя к адресату. Данные речевые средства были выработаны⁶ в ходатайствах Петра о греческой православной церкви в Венеции от 7 декабря 1710 г. и о приеме Савы Владиславича от 14 июня 1716 г. (ASV, Collegio, Lettere principi, F. 13, № 68): автор убеждал венецианскую сторону, что содействие будет воспринято (“к нам покажется” – 1710 и “воспримем” – 1716) как выражение “приятности” (1710) и “имеющего доброг намерения” (1716). В грамоте 1721 г. схожим образом описывается реакция адресата, расположение царя конкретизировано в лексеме “склонность”⁷, появившейся в поздравительной грамоте Петра дожу от 18 января 1719 г. (“подтверждаем нашу добрую склонность во всех публичных интересах к вам”).

Как видим, автор царской грамоты выступает в грамоте к венецианскому дожу как глава государства, вежливо сообщающий бывшему союзнику о заключенном Ништадтском мире, что не отражает, чем явилась победа в Северной войне для Петра I лично – в отличие от депеши царя русскому

⁶ Ранее, в грамоте царей Ивана и Петра Алексеевичей от 5 мая 1686 г., формула “благоизволили восприняти, яко свидетелство особеннаго вашего почитания, не сумневая” была переводом из послания дожа.

⁷ Находим ее в *Прикладах* (*Приклады* 1712: 9); ср. ранее лексему “любовь”, значение которой уточнялось контекстом дипломатического послания.

посланнику при дворе прусского короля – “Графу Головкину в Берлин” (цит. по: РГАДА, Подлинные царские письма, Ф. 142. Оп. 3. № 221. Л. 1). Петр пишет о заключенном со Швецией мире как о воле Провидения (“Бог [...] благословить изволил”), война охарактеризована как длительная (“двадцатидвухлетнюю”), тяжелая (“жестокою”) и опасная (“опасную войну”), мир – как желаемое благо (“благим и пожелаемым миром”). Сказано, что “мир заключен”, указаны дата и место (“августа в 30 день в Нейштате”). Письмо, по-видимому, должно было заканчиваться поздравлением (“и оным вам поздравляем”), однако затем дописано скорописью то, как воспринимал свершившееся автор: “и хотя долго ждали, толко, слава Богу, совершенного мира дождались”. В поскриптуме – распоряжение об оплате проезда немецкому мастеру: “Фабрики суконной мастера Питера Иттера примите и сюды отправте, а что требуют будет на проезд, то дайте ему, а мы вам, где велите, заплатим”. Информирова русского посла о мирном договоре, царь-воин делился с соотечественником и сотрудником радостью победы, не скрывая физической и эмоциональной усталости и не забывая о деле, остававшемся на первом месте.

Ништадтский мирный договор стал причиной новой российско-шведской войны 1741-1743 гг., начатой Швецией. По ее завершении прелиминарный Абоский договор был ратифицирован от Швеции королем Фредериком I (ландграфом Гессен-Кассельским) 23 июня/4 июля 1743 г. в Стокгольме и от России императрицей Елизаветой I 19/30 августа 1743 г. в Санкт-Петербурге, после чего 27 августа/7 сентября в Або состоялся обмен ратификационными грамотами. Собственно Абоский мирный договор между Швецией и Россией 1743 г. – “повторял почти дословно основные условия Ништадтского мира [...] присоединял к ним условия о территориальных уступках Швеции в пользу России” (Похлебкин 1992: 241) – был подписан 7/18 августа 1743 г. в Або теми же сторонами. Договор “ратифицирован Россией 19/30 августа 1743 г., Швецией – 15/26 августа 1743 г.” (Похлебкин 1992: 240-241), обмен ратификационными грамотами состоялся 27 августа/7 сентября в Або (Похлебкин 1992: 241).

В придворном журнале императрицы Елизаветы зафиксировано получение в Петербурге 2 июля 1743 г. новости о заключении прелиминарного договора: “Получено от полномочных министров российских известие чрез капитана и адъютанта Румянцова о заключенном с Короною Шведскою мире” (*Придворные журналы* 1913: 16), обнародованной 3 июля и с размахом отпразднованной: “В 3 день (о сем печатные ведомости имеются) было о том публичное всенародное объявление при присутствии Ея Им. В-а в церкви Казанския Богородицы, и посланы с обыкновенною церемониею с тем объявлением наряженные в приличном к тому миру нарочные по всем улицам. А по молебне была стрельба с Петербургской и Адмиралтейской крепостей и с поставленных всех полков в строю солдат беглым огнем троекратно. В 4 день. Ея Им. В-о сама изволила паки при себе отправить с тем же объявлением торжественно паки по всем местам на всех в Петербурге островах по улицам оных же наряженных особ. В 5 день. Ея Им. В-о изволила быть у литоргии в

церкви Сергия Чудотворца, [...] Трехдневное торжество кончилось, и по все дни был по церквам звон” (*Придворные журналы* 1913: 16-17).

В грамоте от 10 сентября 1743 г. дожу сообщено о получении в Петербурге текста окончательного договора, ратифицированного Швецией, на новом дипломатическом языке, сложившемся при Петре и включающем заимствования: “трактат”, “размена со обеих сторон ратификацией [...] совершилась” (ср. в Абоском договоре: “Оные ратификации разменены” (ПСЗРИ 1830, XI: 874), “оригинальным инструментом королевской шведской ратификации”, “министры” (уполномоченные дипломаты – “между уполномоченными к сему делу министрами”). Заключившие мир правители – императрица (“между нами”, как у Петра) и шведская монархия (“короною шведскою”, ср. у Петра “королем и королевством шведским”). Место заключения – топоним (“в Абове”), дата – день обмена ратификационными грамотами (“27. числа минувшаго августа”, ср. у Петра дату подписания договора). Ссылка на добрые межгосударственные отношения, по-видимому, была сочтена излишней.

Грамота Елизаветы I по структуре схожа с грамотой Петра: сообщение о мире со Швецией и описание ожидаемой реакции. Подтверждая известную дожу (“без сумнения и уже напредь сего”) новость о “возстановленном [...] мире” (напоминание о Ништадтском мире), императрица вошла в подробности дипломатической процедуры. О важности, придаваемой Елизаветой сообщению, свидетельствует “преминути не хотели” (ср. у Петра “за благо разсудили”). Сообщение информации у Елизаветы – “сообщение учинить” (ср. “сообщить” у Петра), предмет конкретизирован – мирный договор (“о таком мирном заключении”, ср. у Петра “оные ведомости”), не упоминается о грамоте (ср. у Петра “через сию нашу грамоту”).

Если Петр I надеялся на то, что в Венеции сообщение о Ништадтском мире будет принято “во знак” его “склонности” к дожу и Республике, то Елизавета I уверена (“не сумневаемся”), что новость об Абоском мире (“сию ведомость”) будет воспринята положительно (“не инако, как охотно услышать изволите”), обещая со своей стороны (“напротив того”) участие в добрых для Венеции новостях – поздравления (“взаимно благополезными приключениями поздравлять нам всякие случаи приятны будут”) и заверения в дружеских чувствах (новое клише “о сентиментах удостоверять”, пока с заимствованием “сентименты”). Лексема “приятный” появилась в поздравительных грамотах Петра I в Венецию: в грамоте от 16 октября 1716 г. царь писал, что уведомился о снятии осады с Корфу из “приятного писания” дожа, тогда как в грамоте от 18 января 1719 г. характеризовал новость о заключении мира в Пассаровичах как “приятное сообщение”. Участие в делах адресата у Петра – “достойное участие воспринять” (в грамотах о военных победах 1709-10 гг.)

В заключение следует сказать, что при Петре I в дипломатическую практику вошел обмен новостями и взаимными поздравлениями по поводам, не имеющим непосредственного отношения к одной из сторон, в частности, появилась новая жанровая разновидность – грамота-сообщение о мирном

договоре, отразившая перемены в дипломатическом языке и прослеженную нами эволюцию этикетных норм. Последняя, на наш взгляд, была результатом взаимодействия различных векторов эпистолярного общения (новые эпистолярные образцы, подспудное овладение словом собеседника), однако главным представляется сделанный Петром выбор: “этикет царского дипломатического послания, приближающийся к этикету европейскому, позволяя адресату судить о Петре I как о монархе, говорящем с ним на одном языке, если понимать под последним язык принятой в Европе вежливости” (Карданова 2013: 389). В рассмотренной грамоте Петра I представлены некоторые принципы нового этикета, которые будут закреплены и развиты, превращаясь – в послании его дочери в Венецию – в нормы эпистолярного светского общения.

Приложение

При публикации применяются правила ТОДРЛ, разработанные для серии монографических исследований и изданий памятников древнерусской литературы (Дмитриева 1955). В текстах царских грамот-ходатайств все титла раскрыты, все выносные буквы введены в строку, ь и ы на конце слов не воспроизведены, буква *i* заменена буквой и, *o* — буквой о, *b* — буквой е, *uk* — буквой у. Пунктуация современная.

№. 1. <Грамота Петра I венецианскому дожу Джованни Корнеру от 14 сентября 1721 г.>

Божиею поспешествующею милостию мы, пресветлейший и державнейший великий государь, царь и великий князь ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ, всеа Великия, и Малыя, и Белья Росии самодержец Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, царь Астараханский, царь Сибирский, государь Псковский, и великий князь Смоленский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятцкий, Болгарский и иных, государь и великий князь Нова города Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и всеа Северная страны, повелитель и государь Иверские земли карталинских и грузинских царей, и Кабардинские земли черкасских и горских князей, и иных многих государств и земель, восточных и западных, и северных, отчич, и дедичь, и наследник, и государь, и обладатель. Светлейшему князю и господину, господину Иоанну Корнелию, Божиею милостию арцуху владетелства Венецьйского, и всей Яснейшей Речи Посполитой Венецьйской наше благоприветственное поздравление. Хотя вашей светлости не может без известно быть о вечном мире, которой прошедшаго августа в 30 чрез полномочных с обоих стран министров между нами и королем и королевством швецким на Нейштатцком конгрессе заключен, однако ж мы

по имеющей дружбе с вашею светлостию и Яснейшею Речью Посполитою за благо разсудили сообщить вам чрез сию нашу грамоту оные ведомости, и уповаем, что ваша светлость сие во знак нашей склонности, которую мы имеем к вашей светлости и Яснейшей Речи Посполитой примете. И при сем желаем вам от господа Бога благополучных поведений. Дан в Санктъ Петербурке сентября 14 г дня 1721 Государствования нашего 40 году.

Вашей светлости и Яснейшей Речи Посполитой
добрый приятель
ПЕТР

Оригинал грамоты хранится в Государственном архиве г. Венеции (ASV, Collegio, Lettere principali, F. 13, № 76). Текст размещен на одном листе, размером 46х54 см., занимает верхнюю его половину. Грамота написана круглящимся полууставом, черными чернилами. Над верхней строчкой — царской интитуляцией — расположен растительный орнамент, в центре которого царская корона. Стилизованными цветами, обрамляющими весь текст грамоты, украшены также правое и левое поля. Первое слово — “Божиею” — выписано в форме цветочного орнамента, где выделяется инициал “Б”. Титул царя написан золотом до буквы “М” включительно (в слове “Московский”), приветствие адресату написано золотом полностью. Ниже и правее текста — подпись Петра I. В правом нижнем углу — подпись канцлера: “Граф Головкин”. Обе подписи — более светлыми чернилами. На обратной стороне грамоты по центру расположена полоска бумаги с указанием адресата: “Светлейшему князю и господину, господину Иоанну Корнелию, Божиею милостию арцуху владетелства Венецийского, и всей Яснейшей Речи Посполитой Венециской”.

№. 2. <Грамота Елизаветы I венецианскому дожу от 10 сентября 1743 г.>

Божиею Поспешествующею милостию мы ЕЛИСАВЕТ Первая, Императрица и Самодержица Всероссийская Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, царица Казанская, царица Астраханская, царица Сибирская, государыня Псковская и великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корелская, Тферская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгорская и иных, Государыня и великая Княгиня Нова города, Низовския земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белоозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская и вся Северныя страны повелительница и государыня Иверския земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския земли, Черкасских и Горских князей и иных наследная государыня и обладательница. Светлейшему князю арцуху владетелства Венецийского и всей Яснейшей Речи Посполитой венециской, наше любительное поздравление. Яко Вашей светлости и Яснейшей Речи Посполитой о возстановленном между нами и короною шведскою мире без сомнения уже напредь сего известно есть, тако и мы ныне когда размена со

обоих сторон ратификацией на заключенной о том трактат 27. числа минувшаго августа месяца в Аbove между уполномоченными к сему делу министрами совершилась, и к нам известие о том купно с оригинальным инструментом королевской шведской ратификации на сих днях прислано, преминуть не хотели вашей светлости и Яснейшей Речи Посполитой о таком мирном заключении сообщение учинить, и яко не сумневаемся, что вы сию ведомость не инако как охотно услышать изволите, тако и нам напротив того всякие случаи приятны будут вашу светлость взаимно полезными приключениями поздравлять и о тех сентиментах удостоверять, с которыми мы вашей светлости и Яснейшей Речи Посполитой от господа Бога совершенного здравия и всякого благополучия истинно желаем. Дан в Санктпетербурге сентября «10» дня 1743, государствования нашего втораго года.

Вашей светлости и Яснейшей Речи Посполитой
добрая приятелница

Елисавет

Графу Алексею Бестужеву Рюмину

Оригинал грамоты хранится в Государственном архиве г. Венеции (ASV, Collegio, Lettere principi, F. 13, № 98). Текст размещен на двух листах (лицо и оборот), без специального декоративного оформления, размером 21,8x33,3 см. Грамота написана круглящимся полууставом, черными чернилами, открывающий грамоту титул и имя императрицы – буквами более крупного размера. Под текстом по центру – подпись Елизаветы. В правом нижнем углу — подпись канцлера: «Граф Алексей Бестужев Рюмин». Обе подписи — более светлыми чернилами.

Сокращения

ASV	Archivio di Stato di Venezia
ПСЗРИ	Полное собрание законов Российской империи
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
ТОДРЛ	Труды отдела древнерусской литературы

Библиография

- Александренко 1894: В.Н. Александренко, *Посольский церемониал в XVIII веке и отношение к нему русских дипломатов*, “Варшавские университетские известия”, 1894, 8, с. 1-29.

- Богословский 2001: М.М. Богословский, *Петр Великий по его письмам*, в: Д.К. Бурлака и др. (Редкол.), *Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология*, СПб. 2001, с. 429-462.
- Дмитриева 1955: Р.П. Дмитриева, *Проект серии монографических исследований - изданий памятников древнерусской литературы*, "ТОДРЛ", 1955, 11, с. 491-499.
- Карданова 2013: Н.Б. Карданова, *Дипломатические послания Петра Великого дожам Венецианской республики: тематика, жанр, стиль, эпистолярный этикет*, М. 2013.
- Котошихин 2000: Г.К. Котошихин, *О России в царствование Алексея Михайловича*, подгот., публ., ввод. ст., коммент. и словник Г.А. Леонтьевой, М. 2000.
- ПСЗРИ 1830, VI: *Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: 1720-22*, VI, СПб. 1830.
- ПСЗРИ 1830, XI: *Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: 1740-43*, XI, СПб. 1830.
- Полонский 2011: Д.Г. Полонский, *Эпистолярный этикет во взаимоотношениях А.Д. Меншикова с представителями властной элиты Петровской эпохи*, "Меншиковские чтения 2011. Научный альманах", 2011, 2 (9), с. 75-93.
- Похлебкин 1992: В.В. Похлебкин, *Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах*, 1, М. 1992.
- Придворные журналы* 1913: *Придворные журналы. 1743-1748 гг.*, СПб. 1913.
- Приклады* 1712: *Приклады како пишутся комплементы разные на немецком языке, то есть писания от потентатов к потентатом, поздравительные и сожалетельные, и иные; такожде между сродников и приятелю: Переведены с немецкого на россиянский язык И напечатаны повелением благочестивейшаго великого государя царя, и великого князя Петра Алексиевича всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца.; При благороднейшем государе царевиче, и великом князе Алексии Петровиче, В царствующем великом граде Москве, Февр. 1712.*
- Сергеев 1971: Ф.П. Сергеев, *Русская дипломатическая терминология XI-XVII вв.*, Кишинев 1971.
- Сивков 1912: К. Сивков, *Петр-писатель*, в: В.В. Каллаш (под ред. и с предисл.), *Три века: Россия от Смуты до нашего времени*, 3 (XVIII век. Первая половина), М. 1912, с. 34-57.

- Benacchio 1984: R. Benacchio, *Modalità allocutive pronominali nella società moscovita del sec. XVII*, Padova 1984.
- Benacchio 1985: R. Benacchio Berto *L'allocutivo reverenziale Vy nella Russia di Pietro il Grande: uno studio sociolinguistico*, in: F. Fici (a cura di), *Atti del colloquio "Lingue slave e lingue romanze: un confronto"* Firenze, 25-26 gennaio 1985, Pisa 1985, pp. 61-78.
- Hennings 2016: J. Hennings, *Russia and Courty Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648-1725*, Cambridge 2016.

Abstract

Natalija Kardanova

Information on the Peace Treaty with Sweden in the Letters of Emperor Peter the Great (1721) and Empress Elizabeth I of Russia (1743) and traditions of the diplomatic correspondence with the Venetian addressee

The report addresses diplomatic letters of Peter the Great (September 14, 1721) and his daughter, Empress Elizabeth, (September 10, 1743) to the Doge of Venice informing on the recently concluded Peace Treaties with Sweden (the Treaty of Nystad (the first letter) and the Treaty of Abo (the second letter)). Both letters are discussed in the context of diplomatic, military and epistolary relations between Russia and Venice in the second half of the 17th century and the first half of the 18th century. The author analyses the structure of the letters' speech composition of its formulas in order to detect evolution, which is typical for the diplomatic language and epistolary etiquette of the Tzar's letters at the times of Peter the Great and his successors.